СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

6 АВГУСТА 1966 г. стр. 3

Гастрольное лето

ПОРА ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

ГРУЗИНСКИЙ государственный ордена Трудового Красного Знамени академический театр им. К. Марджанишвили вот уже две недели показывает свои спектакли в Москве. Репертуар столичных гастролей разнообразен: мы познакомились с жизнью и людьми современной Грузии в спектаклях «Дорогие» Г. Хухашвили, «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Я вижу солнце» Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе; прошлое ее мужественного народа мы увидели в «Мече Кахабери» П. Какабадзе, «Измене» А. Сумбатова-Южина, в комедии «Иные нынче времена» А. Цагарели. Театр им. Марджанишвили привез и две постановки зарубежных пьес — это «Деревья умирают стоя» А. Касона и «Жаворонок» Ж. Ануйя.

В просмотренных спектаклях мы познакомились с замечательным актерским ансамблем марджановцев: мы вновь увидели Верико Анджапаридзе, создавшую в ролях Зейнаб («Измена») и Бабушки («Деревья умирают стоя») героический характер женщины огромного мужества и силы духа; увидели мастера психологических характеристик, органически живущего в ролях и трагедийного, и комедийного плана, В. Годзиашвили, игравшего на этот раз только комедийные роли—Бесо («Измена») и Аветика («Иные нынче времена»); увидели Медею Джапаридзе (Марта в спектакле «Деревья умирают стоя» и Гулкану в «Мече Кахабери»); С. Такайшвили в роли Бабушки и А. Жоржолиани в роли Илико («Я, бабушка, Илико и Илларион») и еще многих талантливых актеров — Гр. Костава, А. Омиадзе, В. Ниниу, З. Лаперадзе, Ш. Коморадзе, Л. Антадзе и других. Мы увидели умную и интересную режиссуру художественного руководителя и директора театра Г. Лордкипанидзе. Мы восхищались вкусом и оригинальными конструкциями блестящих театральных художников О. Литаишвили и М. Малазонии, создающих очень лаконичное и одновременно очень выразительное оформление спектаклей. Мы слушали чудесную грузинскую музыку и пение. Словом, в те дни, что мы смотрели спектакли Театра им. Марджанишвили, мы погружались в стихию прекрасного и самобытного искусства Грузии.

Не все спектакли представляли собой новые работы театра — часть из них марджановцы уже привозили в Москву. Не все спектакли нам одинаково понравились. Но в лучших из спектаклей грузинских гостей, в таковыми, на наш взгляд, являются «Я, Бабушка, Илико и Илларион» и «Меч Кахабери», Театр им. Марджанишвили, творя современное по мысли, по форме, по всему образному строю искусство, остается верным традициям, завещанным ему его основателем Котэ Марджанишвили, — традициям театрально-яркого, праздничного, зрелищного и одновременно тонко психологического искусства, глубоко уходящего своими корнями в национальную почву.

В этих двух таких разных по форме и содержанию спектаклях — почти камерной, задушевной, лирической по звучанию комедии «Я, бабушка, Илико и Илларион», и зрелищно ярком, открыто театральном, полнозвучном «Мече Кахабери» — счастливо сочетались умение режиссера «настаивать самый дух литературного произведения и выразить его в формах, наиболее полно раскрывающих авторский замысел, с отличным актерским ансамблем, тонко чувствующим стилистику пьесы и режиссерскую мысль.

В Театре им. Марджанишвили мы были у «первоисточника» всех последующих постановок пьесы «Я, бабушка, Илико и Илларион», обошедшей многие театры страны. Спектакль поставлен одним из инсценировщиков повести — Г. Лордкипанидзе. В пятнадцати картинах-эпизодах, неторопливо следовавших друг за другом, разворачивалась перед нами жизнь четырех людей затерянной в горах грузинской деревушки с их повседневными заботами и маленькими радостями. И постепенно нам открывалась душа грузинского народа — сердечность и благородство его характера, его добрый юмор и веселый, открытый нрав. Улыбка и печаль, забавное и трогательное, веселая шутка и серьезное раздумье о человеке и его дороге в жизни слиты в единый сплав в этом спектакле. И также слиты в его режиссерском решении условность и бытовая конкретность, достоверная, точно найденная деталь и обобщение. А все это вместе рождает у зрителя ощущение естественного течения жизни на сцене.

Атмосфера доброй человечности и мягкого лиризма, в которой нет и тени сентиментальности, царит на сцене в этом спектакле. Ее приносят отличные актеры Театра им. Марджанишвили, создающие и в главных ролях, и в крошечных эпизодах живые, объемные человеческие характеры. Это прежде всего ансамблевый спектакль. И первой в этом ансамбле должна быть названа С. Такайшвили. Ее Бабушка, сгорбленная от постоянной тяжелой крестьянской работы; с трудом передвигающая распухшие ноги, маленькая старая женщина в черных одеждах, излучает такую доброту, такой домовитый, мирный покой, такую силу жизни, что ее простота и естественность кажутся простотой и естественностью самой матери-природы.

Сделанные острым глазом и точной чистым художника моментальные жанровые зарисовки мирных будничных радостей и забот Зурико, его бабушки и их друзей Илико и Иллариона сменяются густой масляной живописью спектакля «Меч Кахабери» П. Какабадзе (постановка Г. Лордкипанидзе). Эта пьеса имеет свою историю в грузинском театре. Ее неоднократно, но каждый раз неудачно пытались ставить на сцене. Впервые в Театре им. Марджанишвили она обрела живую плоть и душу. Вот еще одна постановка, демонстрирующая единство, полную слитность литературной первоосновы, режиссерского замысла и его воплощения в произведении сценического искусства.

Живописный, празднично яркий и откровенно условный спектакль со всем арсеналом его выразительных средств, начиная от масок, в которых выходят действующие лица, вплоть до его художественного оформления (огромной арбы, которая движется по пустой сцене, то превращаясь во дворец, то в хижину, то в крепостную башню, и словно символизирует пришедшее в движение грузинские народные массы, поднявшиеся против захватчиков), необыкновенно выразительно раскрывает сложный философский текст пьесы, пронизанный иронией, таящий иносказание. И в этом спектакле торжествует актерский ансамбль, в котором ведущие партии исполняют М. Джапаридзе, Т. Майсурадзе, В. Ниниу, Л. Антадзе и другие.

В спектаклях «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Меч Кахабера» при всей их сюжетной, стилевой и жанровой несхожести есть нечто общее. И общее это — в высокой патриотической идее, лежащей в основе обоих спектаклей, и точно раскрытой социальной мысли о неподвижности народа, объединенного стремлением отстоять свою свободу и независимость, о крепости его духа, его неиссякаемом мужестве и оптимизме.

Москвичам был показан и интересный спектакль «Иные нынче времена» А. Цагарели. На сцене мы увидели этнографически точные старинные грузинские праздничные свадебные обряды. Как правило, грузинский национальный колорит, который придает особое очарование искусству этого театра, живет и раскрывается в самих характерах сценических героев, в глубоком понимании режиссером и актерами природы национального характера, в их умении раскрыть самый дух народной жизни без всяких специальных демонстраций ее этнографических или экзотических особенностей. В спектакле «Иные нынче времена» сама пьеса требует таких демонстраций, и грузинские старинные песни и пляски органически вплетаются в ткань сценического действия, придавая ему неповторимый национальный колорит.

Театр им. Марджанишвили привез в Москву интересный спектакль «Измена» А. И. Сумбатова-Южина. Автор ее — крупнейший русский актер, драматург и театральный деятель, 45 лет своей жизни отдавший Малому театру.

Эта классическая, яркая «драматическая легенда» из истории порабощенной мусульманами Грузии несет глубокую патриотическую идею. Патриотическая тема пьесы, пронизывающий ее дух священной ненависти к поработителям отчизны, а также живописность ее образов и характеров, колоритный, поэтический, пафосный язык, вся праздная праздничность ее благородной театральности должны привлечь к ней внимание советских художников театра. Приподнятая над бытом, романтизированная, овеянная подлинной поэзией и героическим пафосом, драматическая легенда, в по существу высокая мелодрама Сумбатова-Южина (в слове «мелодрама» нет оттенка осуждения, это только определение жанра пьесы) ставит перед исполнителями сложные творческие задачи. Ее стилевые особенности — эмоциональная заполненность, патетическая напряженность чувств и страстей, требуют от актера открытого темперамента, громкого голоса, широкого жеста, живописной пластики, громадного эмоционального накала, романтической приподнятости и передачи героических чувств персонажей.

Театр им. Марджанишвили в своей постановке решил отказаться от трактовки «Измены» как пышной восточной сказки, требующей для своего исполнения прихотливой экзотической орнаментики. Для него это зрелище, как миф, трагедия матери и патриотки, вынужденной ради освобождения родины, которой должен совершить ее сын, десятилетиями скрывать свое материнство и свою преданность родной земле. В соответствии с таким прочтением пьесы тщательно снималась ее романтическая патетика, и оформление «Измены» нарочито аскетично. Действие разворачивается на пустой сценической площадке, обрамленной, словно седыми крепостными стенами, серыми сумеречными рамами, да где-то в глубине, на горизонте, мы видим силуэт крепости. (Следует отметить красивые, исторически точные, сдержанные по цветовой серо-коричневой гамме костюмы художника Малазонии).

Режиссерское прочтение «Измены» как трагедии несет прежде всего в своем исполнении главной роли Зейнаб Верико Анджапаридзе. Зейнаб—Анджапаридзе — это титанически могучая духом, мудрая и великая страдалица мать своей родины, изнывающей в тисках мусульманской неволи. Такая большая актриса, как Верико Анджапаридзе, может позволить себе даже в роли Зейнаб аскетически скупой жест, тихий голос, редкие всплески темперамента. Так велика внутренняя наполненность актрисы, что нам достаточно одного ее взгляда, легкого поворота головы, чтобы понять, какая буря бушует под внешней сдержанностью.

На том же уровне находится и исполнение В. Годзиашвили комедийной роли слуги Бесо. С каждым появлением Бесо—Годзиашвили стихия народного, национального, комедийного заполняет сцену. Зейнаб—Анджапаридзе и Бесо—Годзиашвили — это два кульминация и два жанровых полюса спектакля.

К сожалению, того актерского ансамбля, что был в спектаклях «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Меч Кахабера», «Иные нынче времена», в «Измене» нет. И тогда начинаешь замечать, что «драматическая легенда» Сумбатова-Южина все-таки требует для своего сценического осуществления пышной восточной оправы, она рассчитана на определенные особенности в исполнении и сценическом оформлении и требует соблюдения законов своего жанра. Полемическое, антитрадиционное прочтение «Измены» как трагедии могло бы быть успешно осуществлено только при условии, что весь актерский ансамбль будет на уровне Анджапаридзе и Годзиашвили. В спектакле марджановцев этого ансамбля, к сожалению, нет. Поэтому интересный замысел кажется нам не до конца осуществленным. Он не находит опоры в материале пьесы, не претендующей на трагический жанр, он не находит опоры и в актерском исполнении. Тем не менее, несмотря на неполную, с нашей точки зрения, удачу постановки, мы благодарны Театру им. Марджанишвили за интересный спектакль, за возвращение на сцену Малого театра пьесы его многолетнего руководителя Сумбатова-Южина.

Как мы уже говорили, не все в спектаклях марджановцев нам одинаково понравилось. Нам показалось, что спектакль «Я вижу солнце» слабее других работ театра на современную тему. Ряд сцен в нем не обязателен, заметны вялость и растянутость действия.

ГАСТРОЛИ Театра им. Марджанишвили подходят к концу. Подводя их итог, мы в основном остановились на тех работах театра, которые, во-первых, представляются принципиально важными для репертуара и творческого почерка коллектива, и, во-вторых, еще не были отрецензированы газетой.

Что же можно отметить как общее, характерное для искусства этого театра?

Это прежде всего добрый, оптимистический, жизнерадостный взгляд на мир и близость к народной жизни, которая сказывается в умении режиссуры и актеров понять природу и дух народного характера и передать его во всем его национальном своеобразии. Это живой интерес к современной жизни, к ее людям, строящим счастливое будущее человечества. А естественность и органичность игры актеров Театра им. Марджанишвили на сцене, позволяющая им с равной степенью свободы играть и пьесы самых разных жанров, добрый талант, вкус и высокий профессионализм его художественного руководителя служат свидетельством того, что Театр им. Марджанишвили находится в поре творческой зрелости.

Т. КНЯЗЕВСКАЯ.